

«Воронеж» в русской культуре – носитель разнообразных смыслов.

О происхождении названия существует много версий, но пока ни одна из них не принята в качестве окончательной.

Как сообщает Интернет, Воронежский край – родина прославленных деятелей русской литературы и искусства: первого русского лауреата Нобелевской премии в области литературы И. А. Бунина и гениального советского писателя А. П. Платонова, великих русских художников Н. Н. Ге и И. Н. Крамского, выдающихся поэтов А. В. Кольцова, И. С. Никитина и С. Я. Маршака, известных сказительниц А. К. Барышниковой (Куприянихи) и А. Н. Корольковой, сказочника А. Н. Афанасьева.

Воронеж в первую очередь ассоциируется со ссылкой О. Мандельштама. Но и с филологической школой XIX века также.

В отечественной литературоведческой науке Воронеж занимает одно из первых мест. На сегодняшний день – это центр изучения русской литературы.

В ВГУ существует научно-исследовательская лаборатория, возглавляемая доктором филологических наук, профессором Андреем Анатольевичем Фаустовым.

А. А. Фаустов – наш собеседник

На фото А. А. Фаустов (конференция 2019 года, из архива А. А. Фаустова)

Г. К. Как возникла идея «Универсалий»?

А. Ф. Как часто бывает в таких случаях, неожиданно. Так удачно сошлось, что возникла в общих чертах сама гипотеза литературных универсалий, а соответствующий проект был поддержан Министерством образования и науки, так что у нас появилась возможность (и необходимость!) осуществить свои планы всерьез. Но, конечно, была и собственно научная предыстория – мой давний интерес к изменчивым, но в той или иной мере сохраняющим свою идентичность литературным феноменам.

Г. К. Сколько всего издано «Универсалий»?

А. Ф. Всего, начиная с 2009 года, 8 томов, по 400–600 страниц каждый. Первые сборники (пока были благоприятные финансовые условия) мы выпускали каждый год. Причем всякий раз старались успеть к очередной конференции. Потом сборники отстали от конференций (которые мы по-прежнему так и устраиваем ежегодно, за вычетом последнего – ковидного – года), но, возможно, это было даже и к лучшему. Выдерживать такой ритм было непросто.

Г. К. *Какие наиболее удачные?*

А. Ф. Мне трудно судить об этом. Все выпуски по своему составу очень сильные: в них принимали участие ведущие филологи из десятка с лишним стран. И я горд тем, что в нашей серии были такие авторы. Не скажу, что сборники получались идеально ровными. Но, как мне кажется, провалов не было.

Г. К. *Расскажите о ваших партнерах?*

А. Ф. Универсалии затевались с самого начала как научный и издательский проект, ядром которого стали те, кто принадлежит к расширяющемуся дружескому кругу: друзья и друзья друзей. И это была принципиальная установка. Для меня филология – не совсем профессия (и уж, тем более, точно не спорт), а способ думать и жить. Поэтому и мои / наши партнеры – люди, которые близки мне по духу. То, что при этом они еще по совместительству и блестящие филологи, это, скажем так, что-то вроде бонуса (впрочем, может быть, логика тут прямо противоположная). А если говорить о «партнерстве» в более специальном смысле слова, то я бы назвал в особенности два имени. Во-первых, это профессор Геттингенского университета Магтиас Фрайзе, с которым мы познакомились (что выглядит очень символично) на одних из Болдинских чтений еще в середине «нулевых» годов. С тех пор было немало общих проектов, в том числе академических – создание совместной магистратуры, а с прошлого года – и совместного бакалавриата. Добавлю, что два последних выпуска Универсалий стали возможны благодаря финансовой поддержке Геттингенского университета. Во-вторых, это профессор Воронежского университета Алексей Александрович Кретов, который предложил особую концепцию ключевых слов (маркем), очень органично вписавшуюся в исследование литературных универсалий. С 2009 года и на этом поприще также появилось много общих замыслов и работ, так что теперь между собой мы уже говорим о целой отрасли – маркемологии. Поэтому, предвосхищая следующий вопрос, при некотором желании и здесь можно заподозрить наличие какого-то подобия, призрака научной школы.

Г. К. *Воронежская филологическая школа всегда считалась очень сильной. Есть ли формула Вашей научной школы?*

А. Ф. Не думаю, что Воронежская филологическая школа существует, если понимать это в строго институциональном смысле. У нас были и есть хорошие ученые, у некоторых из них были и есть ученики и последователи (иногда многочисленные) и свой взгляд на вещи, и, вероятно, можно говорить о лингвистической школе, у истоков которой стояли З. Д. Попова, а затем И. А. Стернин. (Официально, кстати, в университетском реестре она в качестве такой школы и значится.) В остальном же воронежская филология – это, по большому

счету, отдельные люди, между которыми в научном (и не только) отношении не так много общего. Более того, до поры до времени никто на моей памяти особенно и не стремился учреждать какие-то школы. Я пришел на кафедру (тогда это была кафедра русской литературы – сейчас мы именуемся кафедрой истории и типологии русской и зарубежной литературы), где ценились разномыслие и разноречие. Но это не исключает, конечно, того, что некоторые из нас (и я в том числе) оказали и оказывают какое-то научное воздействие на тех, кто рядом, – моделирующее воздействие, как выразились бы в 60-е годы. Для меня еще с аспирантских времен (хотя отчетливо я это осознал далеко не сразу) определяющим было представление о том, что конструктивная, семиотическая суть литературы связана с динамической двоякостью слов и референтов. Поэтому если говорить (не без доли иронии) о каких-то формулах или лозунгах того подхода к литературе, который мне близок, то это можно было бы выразить так: ищите в тексте нужные слова, а они приведут за собой и все остальное. Технологии такого подхода я и пытаюсь учить.

На фото: А. А. Фаустов (конференция 2019, из архива А. А. Фаустова).

Г. К. *Расскажите о Ваших учителях?*

А. Ф. У меня был, что называется, не вполне прямолинейный путь в науку. Прежде чем оказаться на филологическом факультете, я три года (не без успеха) изучал географию. И одной из причин, по которой я ей изменил, стал «Франсуа Рабле» Бахтина, совершенно меня поразивший. А потом к Бахтину добавились Лотман и вообще «Труды по знаковым системам», чуть позже Топоров, Фуко и др. Собственно, это и были мои учителя. Но, разумеется, были и учителя ближние – старшие коллеги по филологическому факультету, и среди них прежде всего – А. Б. Ботникова и Б. Т. Удодов, научившие меня исследовательской ответственности, тщательности и, между прочим, внутренней независимости. А с Аллой Борисовной мы на протяжении многих лет общаемся очень тесно (и счастливую возможность этого нельзя переоценить): она один из главных моих читателей и собеседников.

Г. К. *Кто Ваши соратники?*

А. Ф. Вопрос – кого понимать под «соратниками»? Боюсь, в моей системе координат они не слишком отличаются от «партнеров». Так вот, мне очень повезло, что в Воронеже у меня есть замечательный друг и соавтор – Сергей Савинков,

с которым мы можем разговаривать «за филологию». И есть дальние друзья-соратники-партнеры, которые мне очень дороги: от Ольги Скопечной, Людмилы Зайонц, Александра Иваницкого – до Леонида Геллера и Каталин Кроо. О каждом из них я мог бы долго с благодарностью рассказывать. И, конечно, нельзя не вспомнить мою кафедру, на которой мне во всех смыслах комфортно существовать.

Г. К. *Мне попадались авторефераты аспирантов. На мой взгляд, очень сильные. Молодое поколение продолжает традиции?*

А. Ф. Действительно, соглашусь без ложной скромности, были очень достойные диссертации (и, надеюсь, еще будут). Но у меня нет уверенности, что их авторы в полном значении этого слова – мои ученики. Мне всегда было куда интереснее, если другой человек способен раскрыться в том, что его отличает от меня. Хотя, наверное, и на диссертационных работах можно распознать печать, след той манеры думать о литературе, которая мне свойственна. Чтобы оценить это, нужен взгляд со стороны.

На фото Маттиас Фрайзе и выпускница нашей совместной магистратуры Юлия Цай, которой мы вручаем геттингенский диплом. Сейчас, кстати, Юля у меня в аспирантуре. (конференция 2019 г., из архива А. А. Фаустова)

Г. К. *Настоящее издание «Универсалий» – к Вашему майскому юбилею?*

А. Ф. Совсем нет. Это случайное совпадение. Восьмой том посвящен памяти прекрасного фольклориста, пионера дигитальных исследований сказки Анны Валерьевны Рафаевой, которая с самого начала участвовала почти во всех «универсальных» конференциях и сборниках.

Г. К. *Ваши дальнейшие планы?*

А. Ф. Не знаю. Хорошо бы, наверное (как когда-то пожелала мне Людмила Зайонц), издать круглое число Универсалий – десять томов. Но как получится. Я не слишком люблю строить такого рода планы на будущее. А если иметь в виду какие-то мои личные проекты, то успеть хотелось бы много (у меня есть целый список таких обещаний самому себе). Но это вещи, которые прогнозировать еще сложнее.

Г. К. *Спасибо огромное, Андрей Анатольевич за интервью, за честные ответы. Дальнейших Вам восхождений!*

От редакции

Дорогой Андрей Анатольевич!

Примите наши искренние поздравления с юбилеем!

Для нас Вы – настоящий рыцарь русской литературы, человек оригинального склада ума, ученый, нашедший свои подходы к изучению литературы, тонкий интерпретатор прозы и поэзии, плодотворно работающий на ниве науки. Ваши работы отличаются тем, что в них ощутима Ваша личность.

Ждем новых исследований, новых прочтений классики!

Здоровья, вдохновения и творчества!

Многие лета!

Хочется, хотя и с запозданием, поздравить Вашего друга, доктора филологических наук, профессора, Сергея Владимировича Савинкова с прошедшим юбилеем!

Дорогой Сергей Владимирович!

Вам здоровья для дальнейшей работы!

Вы настоящий друг нашего сетевого издания «Культура и текст».

С удовольствием читаем Ваши блестящие работы о Лермонтове, Достоевском, Бунине! Поражает разнообразие идей и концепций, тонкость прочтений, изящная работа со словом. И верность русской классической литературе.

Вдохновения Вам и творчества! Пусть Муза не покидает Вас!

Вы интересный человек с повышенным чувством справедливости и ответственности. На таких и держится мир.

Многие лета!!!